

«СОВЕТСКИЙ САХАЛИН»

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ВЫХОЖУ ОДИН НА СЦЕНУ...

Надолго запомнятся сахалинцам встречи с актером Академического театра имени Моссовета, заслуженным артистом РСФСР Сергеем Юрским. Перед отъездом он дал интервью нашему корреспонденту.

— Сергей Юрьевич, в вашем репертуаре произведения почти 30 авторов. Пушкин и Шукшин, Достоевский и Чехов, Булгаков и Шекспир... Мы видим их несхожесть. Что же объединяет их в ваших программах, как происходит выбор произведений?

— По любви, если одним словом. Надо полюбить автора, причем полюбить «поактерски». А это значит почувствовать такое сродство с ним, чтобы ощутить возможность что-то привнести в него. Не добавив, а так его произнести, так его сыграть, так его публично прожить, чтобы не ограничилось дело выучи в а н и е м текста, чтобы никто из зрителей не сказал: «Ну что же, память хорошая, я бы столько наизусть не выучил». Поэтому речь идет о том авторе, которого можно не только выучить, но чтобы это зашло в произнесении. Некоторые авторы этому противостоят, они только для чтения глазами. Есть авторы, которые могут быть произнесены, но не мной, а другими актерами, с другой индивидуальностью. И наконец, есть довольно много авторов, к которым тянусь я, которых пытаюсь воплотить и иногда воплощаю. Выбор здесь по вкусу, по времени (потому что время диктует свои интересы — и твои личные, и зрителей), но постепенно так получилось, что русская литература, многие из ее крупнейших вершин стали предметом моих программ, начиная с Пушкина.

— Еще в 1957 году на Всемирном фестивале молодежи вы получили бронзовую медаль на конкурсе чтецов. Не это ли стало началом серьезной работы над вашими театрализованными монопрограммами?

— Я тогда уже читал, правда, это не было регулярной работой. Медаль я получил за Чехова, за рассказ «Клевета», который лет на 15 после того был забыт, но сейчас вновь входит в мои программы.

— Мне кажется, что при

многочисленном повторении и одного рассказа, поэмы, «Графа Нулина», например, возникает опасность «механического воспроизведения» удачно найденных жестов, интонаций. Как этого избежать?

— Такая опасность есть всегда в театре, поскольку театр есть повтор. Совсем избежать этого нельзя, и некоторая механичность даже необходима. Иначе не выдержать, потому что каждый раз импровизировать громадную программу просто невозможно. И вместе с тем проблема — а как же сохранить свежесть? Я не буду вдаваться в профессиональные тайны, скажу лишь, что один из моих способов — это иметь много программ. И читать не слишком часто. То, что я делаю сейчас в Южно-Сахалинске, очень редкий для меня случай, когда я приглашен только с Пушкинской программой. Обычно я привожу четыре — шесть и читаю по одному разу. Если какая-то вызывает особый интерес — повторяю дважды. Но даже приглашенный только на Пушкинскую программу, я привез их две, чтобы они менялись и в один вечер повтора не было.

— В театре вы работаете и как актер, и как режиссер. Но в вашей работе в одиночку, по-моему, происходит слияние этих двух профессий. Работая на сцене как актер вы в то же время как бы наблюдаете себя из зала и чуткой режиссерской рукой направляете действие...

— Вы правильно заметили. На этом пути, весьма сложном и не всеми одобряемом, я имел много счастливых находок, но имел, признаться, и много дополнительных трудностей. Поэтому что раскрепощение актера, когда он перестает видеть себя со стороны, — это превосходное состояние. Я же всегда стремился к тому, чтобы не образ владел мной, а я владел образом, и кое-чего здесь достиг.

Но вот сейчас я очень бы

хотел, честно говоря, поработать с крупным, сильным режиссером, попробовать заглянуть со стороны, который всегда во мне присутствует. А пока проверка, правильным ли путем я иду, — это зритель разных долгот и широт, разных профессий и вкусов.

— Что для вас все-таки сложнее: работа в обычном спектакле с партнерами или выступление «один на один» с залом?

— Что сложнее, я даже не знаю... Пожалуй, сейчас — работа в спектакле. В пьесах я играю сейчас меньше, потому что переход из Ленинградского Большого драматического театра в театр имени Моссовета лишил меня моего репертуара, а новый репертуар набирается медленно. И, однако, я не хотел бы никогда остаться в одиночестве и покинуть театр, чтобы заняться только работой в театре одного актера.

— А с кем из ваших нынешних партнеров вам наиболее удается «связка» в игре?

— Прежде всего Наталья Тенякова, с которой мы связаны много лет не только как муж и жена, но и как партнеры. С ней действительно очень легко играть. Из артистов театра Моссовета это, конечно, Ростислав Янович Плятт, общаюсь с ним на сцене просто наслаждение. Я бы мог много говорить о Фаине Георгиевне Раневской, это счастье, что мне удалось с ней поиграть два года и поставить спектакль с ее участием. Я не скажу, что она легкий партнер, напротив, она очень трудный партнер. Но когда ты с ней на сцене — возникает такое необычное ощущение и творческое переживание, что тут уже даже не до партнерства, можно позволить себе немного и в зритель превратиться. Люблю играть с Михаилом Львовым, Варварой Соцальной, Анатолием Баранцевым, Галиной Костаревой. В последнем спектакле легко было играть с Евгением Стебловым. Вот, пожалуй, и все.

— Расскажите, пожалуй, о ваших последних работах в театре и кино и о планах на будущее.

— В театре — это пьеса Ибсена «Гедда Габлер», где я играю Тесмана, мужа главной героини. Последняя телевизионная работа — двухсерийный телефильм по сказкам Шарля Перро. Называется «День рождения принцессы», но, возможно, выйдет под другим названием. Две киноработы, которые ждут своего выхода на экран, — это «Любовь и голуби», фильм Владимира Меньшова, где мы с Натальей Теняковой сыграли стариков — тетю Шуру и дядю Митю, простых деревенских людей. Мне впервые довелось подобную роль сыграть в кино. Второй фильм — очередная картина чилийского режиссера Себастьяна Аларкона «Выигрши одинокого коммерсанта». Там я сыграл роль дяди Людвига. А связан я с Аларконом потому, что в его предыдущем фильме «Падение Кондора» был занят в главной роли.

Мне предложили сыграть в театре на Таганке, в пьесе Мольера «Мизантроп». Но это весной. А отсюда я лечу на продолжение съемок в Болгарию, там снимается советско-болгарский фильм «Берега в тумане». Фильм о судьбе русской добровольческой армии, эмигрировавшей в Болгарию. Мы рассказываем о психологии того времени, когда армия начала разваливаться, и лучшие ее люди стали, рискуя жизнью, возвращаться в Советскую Россию. Я играю Сиднея Рейли, резидента английской разведки.

— Как вы распениваете премьеру «Мой Пушкин», подготовленную нашим театром?

— Прежде всего, я рад, что она произошла. То, что такой эксперимент, а это чистый эксперимент, совершен, — это достойно всяческого уважения и похвалы. Думаю, что это даст очень дальние отзвуки в работе самого театра.

— Ну и последний вопрос: ваши впечатления о Сахалине?

— Я ничего не видел, кроме музея, кстати, очень хорошего, и моря. Море замечательно. А сахалинцы — прекрасные, чуткие зрители.

В. СЕМЕНЧИК.